

products is noted. The influence of pre-Islamic beliefs and the Islamic religion is also considered semantically. Special attention is paid to the local features of jewelry and the cultural influence exerted by neighboring nations. The main techniques, material and ornamentation, and the identification of the magico-religious function as the dominant one are considered. The methodological basis of the article is culturological and semiotic approaches, as well as methods of comparative analysis and historical analysis.

Keywords: jewelry art, Kazakhs, semantics, amulet, ethnographic collections, museum

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.53

УДК 903.02(571.53)

Г.Л. Иванов

Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск, Россия

ШНУРОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КУДИНСКОЙ ДОЛИНЫ (по материалам фондов ИОКМ и полевых исследований 2020 г.)

Кудинская долина – степной регион, располагающий к западу от озера Байкал. Она является естественным коридором, который связывает между собой долины рек Ангара и Лена. Поэтому изучение культурных процессов, протекавших здесь в древности, важно для понимания картины прошлого всей Байкальской Сибири. Одними из распространенных категорий археологического материала являются фрагменты керамических сосудов, среди которых выделяется посуда с оттисками шнура на внешней стороне тулова. В 2020 г. в результате шурфовочных работ на стоянке Капсал-6 (в среднем течении реки Куды) были зафиксированы остатки как минимум трех керамических сосудов, декорированных сочетанием оттисков шнура, наlepных валиков и округлых вдавлений. Параметры артефактов позволили реконструировать предварительные габариты посуды, выявить ряд моментов по технологии ее производства. Кроме того, установлена предварительная датировка – поздний бронзовый век, X–VII вв. до н.э., на основании аналогий с материалами стоянки Тышкине-III на острове Ольхон.

Ключевые слова: керамика, оттиски шнура, наlepный валик, стоянка, культурный слой

Кудинская долина – территория бассейна реки Куды (правый приток р. Ангара) и ее притоков, одновременно является одним из степных регионов преимущественно горно-таежного Предбайкалья. Материалы рассматриваемого региона важны для реконструкции и анализа хода культурно-хронологических процессов в силу географического положения Кудинской долины (естественного связующего коридора между долинами рек Ангара и Лена). Фрагменты шнуровой керамики обнаружены практически на всей территории бассейна реки Куды (от нижнего течения до верховья).

Шнуровая керамика – категория археологического материала, а точнее фрагментов керамических сосудов, характерной особенностью

которых является наличие на внешней поверхности негативов оттисков шнура. Необходимо отметить, что исследователи рассматривают вышеописанные характеристики не как стремление придать будущему сосуду как можно более привлекательный облик, а как завершающую технологическую операцию из разряда формовки сосуда, имеющую целью уплотнение керамического теста и придание сосуду большей прочности [Кичигин, 2016, Свинин, 2000, Цыденова, 2012].

Инвентарь многих археологических памятников северной Евразии самой различной хронологической принадлежности содержит фрагменты шнуровых сосудов в очень большом количестве. Западная часть Байкальской Сибири здесь не является исключением.

Установлено, что нижней границей появления сосудов с оттисками шнура в Предбайкалье является отметка в 7,8 тыс. л.н. [Кичигин, 2014; Лохов, Роговской, Дударев, 2013]. Эта ранняя разновидность получила в археологической литературе название «хайтинский тип», определяющим признаком которого является сочетание оттисков шнура с несколькими вариациями негативного орнамента (прочерченные линии, штамп и др.) [Савельев, 1989, Уланов, Бердников, 2015]. В археологических памятниках Кудинской долины фрагменты сосудов хайтинского типа на данный момент не зафиксированы и по этой причине далее рассматриваться не будут.

Другим вариантом шнуровой керамики в Предбайкалье являются сосуды тышкине-сеногдинского типа, характерной чертой которых является сочетание оттисков шнура с позитивным орнаментом, в первую очередь налепными валиками [Воробьева, Горюнова, 1996; Харинский, 2005, с. 201]. В археологических материалах Кудинской долины данная категория артефактов зафиксирована в количестве, достаточном для информативного анализа.

Определение «керамика тышкине-сеногдинского типа» было сформулировано в 1990–2005-х гг. и основано на материалах Приольхонья и Северного Байкала. К настоящему моменту территория распространения анализируемых материалов охватывает всю западную часть Байкальской Сибири.

В нижнем течении реки Куды фрагменты шнуровых сосудов имеются в комплексе раскопок в местности Камчатник (окрестности с. Усть-Куда) и в районе с. Оек. На последних следует остановиться подробнее. В 1920-х гг. исследователь П.П. Хороших собирает несколько фрагментов керамических сосудов со шнуровыми оттисками и омазочными налепными валиками в окрестностях села Оек, в местности «Старое татарское кладбище» (ИОКМ, колл. №8111) и песках (ИОКМ, колл. №8112). Материалы были представлены предметами каменной индустрии и фрагментами керамических сосудов, среди которых имеются и с оттисками шнура. Данные находки представляют собой фрагменты тулова сосудов и поддона от них [Иванов, 2013].

Фрагменты одного сосуда тышкине-сеногдинского типа имеются в коллекции №728 ИОКМ, представляющей собой сборы О.А. Монастыревой на стоянке Шохтой-1 (долина реки Мурина – левый приток р. Куды). Сосуд простой закрытой формы, среди описанного выше набора орнаментальных приемов, обычных для рассматриваемой керамики, его отличает наличие округлых вдавлений, нанесенных на внешнюю сторону сосуда в шахматном порядке [Иванов, 2017].

Подводя итог, можно говорить о повсеместном распространении керамических сосудов с оттисками шнура по всей Кудинской долине, так единичные находки фиксируются в археологических объектах от верховьев до устья реки Куды.

Материалы стоянки Капсал-VI

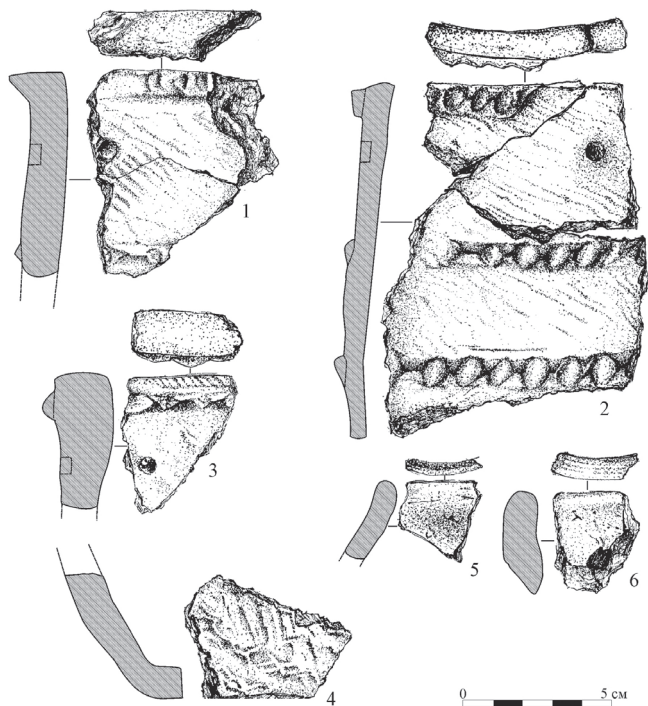
Стоянка Капсал-6 принесла на данный момент наиболее многочисленные и информативные материалы по теме, вынесенной в заголовок настоящей работы. Этот археологический объект расположен в среднем течении реки Куды (на правом берегу) и приурочен к пятиметровой надпойменной террасе. Он был открыт в 1921–1926 гг. иркутским археологом П.П. Хороших, собравшим здесь на песчаных выдувах подъемный материал (фрагменты керамических сосудов, предметы каменной индустрии – ИОКМ, колл. №8133), опубликовавший предварительную информацию о данном археологическом объекте и давший ей наименование «Соляные пески» [Хороших, 1929]. Необходимо отметить, что среди его находок имелись фрагменты керамических сосудов с оттисками шнура.

В 2019 г. профессор ИрННТУ А.В. Харинский [2020] фиксирует на стоянке Капсал-6 подъемный материал и проводит шурфовочные работы, результатом которых стала фиксация культурного слоя, насыщенного шнуровой керамикой, а конкретно фрагментами сосудов тышкине-сеногдинского типа.

В 2020 г. раскопки на стоянке Капсал-6 были продолжены археологической экспедицией ИОКМ – в центральной части стоянки заложено два шурфа общей площадью 8 кв. м, в обоих зафиксирован археологический материал, так же как и в 2019 г., в горизонте серой опесчаненной супеси.

Всего в результате шурфовочных работ 2020 г. зафиксировано наличие в составе комплекса стоянки Капсал-6 как минимум трех сосудов тышкине-сеногдинского типа. **Сосуд 1** зафиксирован в виде фрагмента горловой части сосуда, можно предполагать, что сосуд имел простую закрытую форму, венчик прямой симметричной формы. Декор – три налпных валика (шириной 0,7–1 см), расположенные горизонтально на расстоянии 2,2–2,5 см друг от друга. На внешнем борту венчика имеется круглое вдавление (диаметр – 0,4 см), расположенное на 1,4 см ниже края венчика (рис.-2). **Сосуд 2** предположительно простой закрытой формы, венчик – грибовидной внешне асимметричной формы (за счет вытягивания внешнего края венчика пальцами, без добавления

дополнительной глиняной массы). Внешний край венчика также декорирован вертикальными вдавлениями клиновидной формы. Ниже на 1,9 см от края венчика расположено круглое вдавление (диаметр – 0,4 см), еще ниже, в 3,5 см от края венчика, расположен рассеченный наклепанный валик (рис.-1). **Сосуд 3** представлен фрагментом венчика прямой, внутренне асимметричной формы, сам сосуд предположительно имел закрытую простую форму. Верхняя поверхность венчика также несет отпечатки шнура. Внешний борт венчика декорирован наклепанным валиком подтреугольной формы (шириной 0,3–0,6 см), дополнен поперечными личиночными вдавлениями (рис.-3). Наряду с фрагментами венчиков сосудов тышкине-сеногдинского типа были зафиксированы фрагменты придонных частей. **Сосуд №4** представлен фрагментом доньшка и придонной части, дно плоской формы, угол наклона стенки – 33°, декор – наклепанные валики (шириной 0,2–0,5 см), нанесенные диагонально. Валики украшены косыми личиночными вдавлениями (рис.-4). **Сосуд №5** зафиксирован в виде фрагмента придонной части. Данный фрагмент иллюстрирует несколько любопытных моментов ка-

Керамика стоянки Капсал-6

сательно техники изготовления тышкине-сеногдинского типа сосудов. Расслоение керамики здесь продемонстрировало ленточный налп (общепризнанный метод изготовления шнуровой керамики Байкальской Сибири), наличие шнуровых оттисков на внутренней стороне показывает выколачивание внутренней и внешней стороны лент керамического теста перед креплением. Целью данной технологической процедуры, очевидно, было обеспечение лучшей фиксации.

Наряду с фрагментами шнуровых сосудов на стоянке Капсал-6 в 2020 г. были обнаружены фрагменты как минимум двух гладкостенных сосудов (рис.-5, 6), предметы каменной индустрии невыразительного характера (фрагменты битых галек и отщепы), а также фрагменты костей животных.

Культурно-хронологическая интерпретация

Керамика с оттисками шнура достаточно часто встречается в материалах плиточных могил Монголии и Забайкалья [Харинский, 2005, с. 201; Цыбиктаров, 1998, с. 65]. По ряду памятников побережья оз. Байкал с тышкине-сеногдинской керамикой имеется серия радиоуглеродных дат, концентрирующихся в хронологическом промежутке XIII–II вв. до н.э. [Новиков, Абдулов, Горюнова, 2017, с. 281]. В Кудинской долине на сегодняшний день установлено наличие 13 погребений культуры плиточных могил, и наличие вышеописанных сосудов логично связывать именно с культурой плиточных могил [Туркин, 1995; Харинский, 2000].

Форма сосудов стоянки Капсал-6 обнаруживает частичное сходство с материалами стоянки Тышкинэ-III, где в горизонте III-A также был найден керамический сосуд простой закрытой формы, аналогия усиливается благодаря декору: налпные валики (украшенные личиночными насечками), размещенные горизонтально, а под ними – в диагоналевой ориентации. Между горизонтальными валиками имеются округлые вдавления. Внутренняя и внешняя сторона венчика декорирована личиночными насечками [Горюнова, 1983, с. 72, рис. 1]. Датировка описанных выше материалов – поздний бронзовый век, и, основываясь на сходстве рассматриваемых артефактов, стоянку Капсал-6 предварительно можно датировать поздним бронзовым веком, а именно X–VII вв. до н.э. [Горюнова, 1983, с. 74]. Связи тышкине-сеногдинской керамики в Кудинской долине с культурой плиточных могил такая датировка не противоречит.

Выводы

В заключение можно сказать, что стоянка Капсал-6 на сегодняшний день имеет перспективы стать опорным объектом для изучения позднего бронзового века Кудинской долины. Данный период до настоящего времени был практически не представлен комплексами материалов, доступными археологам для исследований. Поэтому продолжение раскопочных работ на стоянке Капсал-6 – весьма актуальная задача для дальнейшего изучения археологии Кудинской долины.

Библиографический список

Воробьева Г.А., Горюнова О.И. Особенности осадконакопления и периодизации позднеголоценовых культур среднего Байкала // 100 лет гуннской археологии. Номадизм. Прошлое и настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Улан-Удэ, 1996. Ч. 2. С. 11–13.

Горюнова О.И. Комплекс бронзового века многослойного поселения Тышкинэ-III (к вопросу о поздней бронзе на Байкале) // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск, 1983. С. 70–75.

Иванов Г.Л. Сеногдинская керамика из села Оек (по материалам сборов П.П. Хороших в Иркутском областном краеведческом музее) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск, 2013. Т. 1. С. 87–90.

Иванов Г.Л. Керамика с оттисками шнура из поселения Уту-Елга (по материалам Иркутского областного краеведческого музея) // Актуальные проблемы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 2017. С. 39–41.

Кичигин Д.Е. Керамика с оттисками шнура Западного побережья озера Байкал: некоторые вопросы формовки сосудов // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. №4 (13). С. 27–44.

Кичигин Д.Е. Природа нитей шнура и сетки-плетенки на древней керамике Прибайкалья: этнографические параллели // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. №2 (19). С. 10–25.

Лохов Д.С., Роговской Е.О., Дударев С.Н. Североангарский вариант керамики хайтинского типа // Известия ИГУ. Сер.: Археология, этнология, палеоантропология. 2013. №1 (2). С. 116–132.

Новиков А.Г., Абдулов А.Г., Горюнова О.И. Керамические комплексы побережья Чивыркуйского залива в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2017. Вып. 6. С. 279–288.

Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.

Свинин В.В. Исследования древней керамики Прибайкалья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2, ч. 2. С. 128–145.

Туркин Г.В. Новые данные по плиточным могилам Предбайкалья // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995. С. 82–83.

Уланов И.В., Бердников И.М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // Известия ИГУ. Сер.: Археология, этнология, палеоантропология. 2015. Т. 12. С. 47–80.

Харинский А.В. Исследования памятников металла в Кудинской долине // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. С. 140–142.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 198–215.

Харинский А.В. Отчет об археологической разведке на территории Эхирит-Булагатского и Ольхонского районов Иркутской области в 2019 г. Иркутск, 2020. 118 с.

Хороших П.П. Древности Кудинских степей // Бурятияведение. Т. I–II. 1929. С. 142–151.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998. 286 с.

Цыденова Н.В. Керамика со шнуровыми отпечатками в Байкальском регионе и на сопредельных территориях // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. № 1. Иркутск, 2012. С. 239–246.

G.L. Ivanov

Irkutsk Museum of Regional Studies, Irkutsk, Russia

**CORD-MARCED WARE FROM THE ARCHEOLOGICAL SITE
OF THE KUDA RIVER VALLEY (based on the materials
of the Irkutsk Museum of Regional Studies and field research in 2020)**

The Kuda river valley is a steppe region located to the west of Lake Baikal. It is a natural corridor that connects the valleys of the Angara and Lena rivers. Therefore, the study of cultural processes that took place there in ancient times is important for understanding the picture of the past of the entire Baikal Siberia. One of the most widespread categories of archaeological material is a fragment of ceramic vessels, among which the vessels with cord marking on the outside of the body stand out. In 2020, as a result of excavation work at the Kapsal-6 site (in the middle reaches of the Kuda River), the remains of at least 3 ceramic vessels were recorded, decorated with a combination of cord marking, pasted on rollers and imprints. The parameters of the artifacts made it possible to reconstruct the preliminary dimensions of the pottery, to reveal a number of points in the technology of its production. In addition, a preliminary dating has been established – the late Bronze Age of the 10th – 7th centuries BC, based on analogies with materials from the Tyshkine III station on Olkhon Island.

Keywords: ceramic, cord marking, bands, station, cultural layer

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.54

УДК: 902:069(571.17)

Ю.Б. Кауфман

Музей-заповедник «Кузнецкая крепость», Новокузнецк, Россия

**ВИРТУАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА «СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ»
И ЕЕ РОЛЬ В АТРИБУЦИИ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ
(из опыта работы музея-заповедника «Кузнецкая крепость»)**

В статье рассматриваются выставки электронных копий экспонатов на сайте музея. Они набирают популярность по мере развития новых технологий и сегодня стали неотъемлемой частью музейной работы. Приведены положительные и отрицательные качества таких проектов. Автор анализирует степень важности отклика заинтересованного посетителя выставки на сайте. Информация, хранящаяся в семейных архивах, помогает правильно датировать и описать музейные предметы. Автор характеризует объем научной работы над экспонатами, проведенный сотрудниками, основные проблемы, выявленные в процессе. В статье приведен фрагмент информационного блока выставки, посвященной сестрам милосердия (история Тобольской Николаевской общины, ее сотрудники и деятельность). Автор описывает помощь информатора в установлении личности одной из сестер общины, изображенной на фотографиях из фондов музея. Посетительница сайта располагала копией одной из фотографий с подписями, что помогло установить истину. В статье сформулирован вывод